

Время последних: о символическом значении сноса хрущевок.

[Оригинал статьи](#)

Ностальгировать по прошлому, казалось бы, глупо, чудовищный объем дисбалансов так или иначе должен был привести к слому советской модели. Но у людей той эпохи порой пробивается чувство тоски, с которым герой «Покровских ворот» смотрел на строительный таран, ломающий стены их легендарного дома.

Казалось бы, между планом Сергея Собянина снести хрущевки Москвы и драматургией фильма «Время первых» о космонавте Алексее Леонове нет ничего общего. А между тем, все это – различные формы переосмысления наследия СССР. Есть особая связь между панельными пятиэтажками с их сложившимся укладом и запуском ракет за пределы планеты. Все это включалось в общий мир, органическое единство ушедшей эпохи. Да, этот мир давно расколот, разбит, и только в безумных социальных лабораториях еще возникает иллюзия, что какие-то его куски нужно втащить в настоящее; в то же самое время, когда серьезные люди с большими цифрами в головах, бизнес-планированием и минимумом абстрактного мышления (им уж точно не до лирики, на кону дорогая московская земля, и, как знать, может, второго шанса уже не будет) уже все распределили и пустили в расход. Они смахивают со стола последнюю скорлупу той эпохи.

«Мы, оглядываясь, видим лишь руины», – заметил поэт Бродский. Скоро увидим, как в руины превратятся районы советской Москвы, уступая место безликому бетонному гетто – безусловно, более релевантному символу текущего момента. «Время первых» – закрытый проект, вернее, утративший свою актуальность в нынешней системе социальных мотиваций. Летали в космос (как,

впрочем, и рубили кайлом мерзлоту севера) люди, которые выростали во дворах этих самых хрущевок или в заброшенных сегодня деревнях.

Вопрос, конечно, не в архитектуре, а в качестве той среды; дома – лишь символ, в силу прочности бетона переживший агентов своей эпохи. Их воспитывало другое общество со своими коллективными понятиями о чести, решимости и безбашенности. Принципиально, что эта среда была незамкнутой: в нее легко вписывались знакомые, соседи, даже случайные люди – границы личного и общего были очень размыты. Родители рассказывали детям о фронте, всякие захожие делились историями, телевизор «грузил» идеологией Союза, во дворе надо было бить в морду или получать в нее же, если условная красная черта местных понятий была перейдена. Суть этой черты далеко не каждый мог описать. Но ее чувствовали и, главное, понимали, что такая черта существует. Было полуосознанное понимание, что мир расчерчен на сетку моральных обязательств. Им должно было следовать, даже если это не давало никаких очевидных дивидендов. Человек того времени будто жил под каким-то внешним пристальным взглядом, который сравнивал и оценивал его поступки. Затем дети выростали и переносили культуру своей дворовой среды во взрослую жизнь. Специфику тех поколений можно отразить одной фразой: «Им было не все равно».

Потребительский аскетизм, бытовое диссидентство и цинизм каким-то образом переплетались с чувством гордости за страну, которая отправляла людей в космос, контролировала огромную территорию и могла разнести весь мир в клочья. Предполагалось также, что эта страна ставит глобальный эксперимент, и все, кто живет в ней, – участники этого эксперимента. Современному человеку та ситуация часто кажется чудовищно несвободной и материально убогой. Все так, но в ней был особый идеализм понятий и отношений, отраженный советским кинематографом. Именно поэтому фильмы тогда снимали гораздо лучше, чем сегодня: искусству нужны сильные идеи и реальные нравственные коллизии, а не только гранты Минкульта.

Мобилизационные кампании нашего времени вроде «крымского консенсуса» стали возможны за счет затухающей энергии прошлого, которая в слабеющем виде передалась поколению 1990-х. Энтузиазм населения в 2014-2015 годах возник за счет еще как-то работающего культурного кода советского периода. Но уже вряд ли этот заряд достанется миллениалам. Что происходит с тем наследием? Москва – очень хороший пример. Власть сносит не дома, а эпоху. Возможно, приехавшему с севера Собянину сложно понять, что такое уклад жизни, который формируется десятилетиями, через постепенное вживание в среду и сложные переплетения социальных связей. Это ведь не вахтовый метод освоения пространства. На севере пространство холодное и чужое, там вбивают сваи в вечную мерзлоту. Градостроительный чертеж довлеет над жизнью.

Ностальгировать по прошлому, казалось бы, глупо, чудовищный объем дисбалансов так или иначе должен был привести к слому советской модели. И что вообще жалеть проигравших? Но у людей той эпохи порой пробивается чувство тоски, с которым герой «Покровских ворот» смотрел на строительный таран, ломающий стены их легендарного дома. Поколения, заселенные в новые бетонные гетто, будут совсем другими – в ульях своих стандартных квартир, лишенных истории. Они будут уставшими глазами смотреть на условные отражения самих себя в окнах напротив. Можно представить себе только одну форму социальной активности, аутентичную этой среде, – злой «Русский марш» как попытка прорыва за пустоту жизни.

Между тем, с уходящей в никуда платформы «культурная политика» пытается подцепить что-то ценное, чтобы заставить это работать на новый порядок вещей. Хрущевки, конечно, надо снести – дорогая московская земля не должна расходоваться так расточительно, но ведь что-то полезное можно оставить? Например, панфиловцев или космонавтов в качестве идеологического топлива. Так появляются фильмы, которые призваны воспитывать и воодушевлять, но становятся просто «проведенным временем». Они могут развлечь, но ничего не

меняют во внутреннем мире массового зрителя. Проблема не в художественных или сценарных недостатках «Времени первых». Недостатков много – примитивная линейность сюжета, избыточная простота образов, поразительно легкое разрешение всех внутренних коллизий. Но дело не в этом, есть же в фильме способность держать в тоне и рождать эмоциональное напряжение. Однако этот эмоциональный всплеск превращается в ничто сразу после окончания сеанса, потому что общество безнадежно утрачивает контакт с эпохой, которую ей пытаются завернуть и продать как продукт.

Для чего вообще людям нужны герои? Чтобы служить образцами. «Мы совершили подвиг, сделайте хоть вдесятеро меньше нашего, но и это будет прекрасно», – говорят эти образцы. «А ради какой великой цели? – спрашивает общество. – Дайте нам цель, и мы безо всякого допинга еще чего-то достигнем». «Про цели вам расскажет наш ведущий Владимир Соловьев», – предлагает система управления массовым сознанием. «Ну нет, спасибо, мы лучше по коктейлю в баре», – отвечает поколение, которое через лет 10 будет формировать основную общественную повестку и которую тошнит сегодня от ток-шоу центральных каналов. Вся эта олдскульная машина начинает вращаться в пустоте. Как уже было. В позднесоветское время.

В значительной части российских политтехнологов раздражает их уверенность, что общество есть продукт простой, примитивной манипуляции. Манипуляция эффективно работает только в те моменты, которые по-настоящему людям неинтересны. Сколько процентов наберет «Единая Россия» или кто будет следующим губернатором – для большинства населения совершенно несущественные вопросы. От количества мест партии в сознании человека ничего не меняется, поэтому пусть будет, сколько войдет, а хотите больше – возьмите больше. Не наша игра. Точно так любой губернатор будет восприниматься как немного вор, немного строгий, но недоступный дядька. Но никакие технологии не заставят жить, рисковать, умирать ради идей, которые сконструированы в неких «штабах».

Закурит человек сигаретку, купит бутылку пива и присядет на скамеечку созерцать весеннюю листву. А за спроектированную идею страдать не пойдет и в кино тоже не пойдет, где ему все эти идеи – 300 рублей за сеанс – разложит министерство культуры. Скучно. Когда же московский мэр утрамбует его любимый двор и любимую лавочку, переселит в чудовищный архитектурный ансамбль, убивающий своей типичностью, внутри этого человека начнет набухать большая обида, подозрение, что его опять провели. И чем активнее будет вестись PR-работа, призванная мобилизовать, встряхнуть, поставить в строй человека, тем крепче будет это подозрение. Совсем плохо, если в какой-то момент обиды маленьких людей начнут объединяться в сеть, усиливая эмоции и переводя их на универсальный уровень, и затем появится лидер, который тихим, но крайне убедительным голосом скажет: «Вас обманули. Этот мир совсем не ваш. Но я знаю, что надо делать».